

К настоящему моменту в голове Цзян Хуайсу постепенно формировалось руководство по прохождению этой игры.

Запланированная на сегодняшнее послеобеденное время операция была важнейшим звеном.

Именно это звено должно было определить суть руководства по прохождению игры, а этой сутью мог стать как какой-то предмет, так и конкретный человек.

Подобным ядром могло оказаться абсолютно всё что угодно, и игрокам, участвующим в игре, предстояло это отыскать.

Если удастся отыскать это ядро и понять способ его использования, то они смогут пройти игру и даже получить высочайшую оценку за прохождение, даже если не выполнят условия для победы, установленные главным игровым мозгом.

Однако об этом игровом ядре для прохождения знали лишь те, кто уже хотя бы раз успешно завершил игру начального уровня, и именно поэтому Линь Цзинсюй ранее считал, что Цзян Хуайсу просто дурачится и ищет смерти.

Впрочем, Цзян Хуайсу не стал рассказывать Линь Цзинсюй всё напрямую — не потому, что не хотел, а из-за особых правил самой игры.

Он мог позволить Линь Цзинсюй помочь ему отыскать то самое игровое ядро, но категорически не имел права намекать или открыто говорить об этом человеку, играющему впервые.

Поэтому он просто решил составить план, в котором Линь Цзинсюй принял бы участие, оставаясь в неведении.

Ведь только те игроки, которые непосредственно участвовали в поисках ядра, могли получить особую награду после прохождения игры.

Получив порцию нравоучений от Цзян Хуайсу, тот мужчина заткнул кровоточащий нос салфеткой со стола.

Девушка подбежала к нему, чтобы узнать, как он себя чувствует, но он грубо оттолкнул её.

— Убирайся.

Разъяренный и разозленный мужчина приложил немало силы, сгоряча толкнув девушку прямо на пол.

Девушка явно сильно ушиблась от падения, её губы обиженно надулись, а из глаз градом потекли слёзы.

— У-у-у...Жалкий плач разнесся по всему залу, и Линь Цзинсюй почувствовал, как атмосфера вмиг переменилась.

— Чего ты реवेशь? Мать твоя сдохла, что ли? Задолбала до смерти, еще хоть звук издашь — прибью! — раздраженно выругался мужчина, услышав этот плач.

Из-за таких оскорблений обида в сердце девочки лишь усилилась, и она заплакала еще громче.

— У-у-у-у!

— Я тебе, мать твою, русским языком сказал заткнуться, глухая, что ли?

Очевидно, этот мужчина, который сломался первым еще до ухода босса, теперь, оставшись без него, превратился в заправского хама. Он занес руку, явно намереваясь отвесить девочке оплеуху.

— Прекрати, ты что творишь?

Линь Цзинсуй больше не мог на это смотреть. В душе он все еще оставался горячим и максималистичным юнцом, поэтому на некоторые вещи просто был не в силах смотреть равнодушно.

— Сопливый, не суй нос куда не просят, еще хоть слово вякнешь — и тебя вместе с ней отметелю, — свирепо бросил мужчина.

Но едва эти слова сорвались с его губ, как за обеденным столом раздались сразу два голоса:

— Тронь его хоть пальцем, и я прикончу тебя прямо здесь.

— Ты еще хоть слово вякнешь, сукин сын, думаешь, я с тобой церемониться буду?

Первую фразу произнес Цзян Хуайсуо, и холод в его голосе напоминал ледяную стужу глухой зимы, от которой пробирало до костей.

Вторую же выпалил Бородач: он резко поднялся из-за стола и, грохнув по нему кулаком, перешел к угрозам.

Каждое его движение и каждое слово просто сочились разбойничьей удалью — вылитый уличный хулиган и прожженный негодяй.

А этот мужчина оказался всего лишь трусом, способным лишь отыгрываться на тех, кто слабее, иначе он бы не расклеился раньше женщины.

Увидев, что ему угрожают те самые люди, которые смели бросать вызов самому боссу и при этом оставались целыми и невредимыми — особенно учитывая, что один из них совсем недавно его «воспитал», — он тут же перепугался и плюхнулся обратно на свое место.

— Ешь нормально и поменьше болтай, — холодно произнес Цзян Хуайсуо, продолжая орудовать ножом и вилкой. — Слышал, малец? Не лезь не в своё дело, не то я сотру тебя в порошок ещё до

того, как тебя успеет прикончить здешний босс.

Из-за разбойничьего вида и крепкого телосложения Бородач казался классическим воплощением отпетого негодяя.

Тот мужчина, не говоря ни слова, принялся жадно заталкивать в рот лежавшую перед ним еду, совершенно не заботясь о манерах.

Линь Цзинсюй было шагнул вперёд, порываясь утешить плачущую девушку, но, вспомнив её недавние поступки, пересилил себя и сел обратно.

Иные люди вызывают лишь жалость, но у каждого жалкого человека непременно найдётся то, за что его можно возненавидеть.

В конце концов, поняв, что утешать её никто не собирается, девушка поплакала ещё немного, а затем, видимо, устав от слёз, вернулась к столу. Она принялась торопливо глотать еду, смешивая её с катившимися по щекам слезами.

Спустя некоторое время вернулся Фиц, а следом за ним шла женщина, одетая как служанка.

Все присутствующие дружно перестали есть и уставились на вошедшую, и у каждого в голове тут же зарождались свои мысли.

Фиц привёл именно ту самую ученицу повара, Сяо Мэй, о которой просил Цзян Хуайсу. Девушка оказалась невероятно миловидной, и даже грубая одежда служанки не могла скрыть её редкой красоты.

Ученица Сяо Мэй была ослепительной голубоглазой блондинкой. Свои длинные золотистые волосы она собрала на макушке в аккуратный пучок — по всей видимости, чтобы они не мешали ей во время готовки.

Стоило ей войти, как Цзян Хуайсу и Линь Цзинсюй невольно переглянулись.

В глазах обоих читалось неприкрытое изумление: черты лица этой ученицы один в один совпадали с обликом хозяйки замка, чей портрет висел в комнате управляющего Фица.

Единственное различие крылось в волосах: у хозяйки на картине они были каштановыми и свободно спадали на плечи, тогда как у Сяо Мэй локоны отливали золотом и были заколоты сверху.

Остальные же гости, которые не видели портрета прежней владелицы, были просто заворожены её красотой.

— Здравствуйте, дорогие гости. Я ученица повара, Сяо Мэй. Подскажите, зачем вы меня позвали? Случилось что-то важное?

Голос Сяо Мэй звучал мягко и нежно, а взгляд, которым она обвела сидящих за столом шестерых человек, лучился искренним дружелюбием.

— О, всё потому, что ваше кулинарное мастерство превосходит любые ожидания! — с улыбкой заговорил Цзян Хуайсу, поднимаясь со своего места. — Нам невероятно понравились эти блюда, и я предложил взглянуть на того, чьими руками они были созданы. Теперь я вижу, что мои ожидания оправдались сполна. Я в восторге не только от изысканных кушаний, но и от вашей красоты. Мне безумно любопытно, какая же искусная сила природы сотворила столь совершенный шедевр!

Он картинно жестикулировал на ходу, приближаясь к Сяо Мэй. Остановившись перед ней, он отвесил изящный поклон, точь-в-точь как средневековый западный джентльмен, и учтиво протянул правую руку.

Сяо Мэй в ответ тоже протянула руку и мягко вложила ладонь в его ладонь.

Кожа её рук казалась ослепительно белой и шелковистой. Даже ладони Линь Цзинсюя, которые всегда отличались мягкостью, по сравнению с её руками показались бы грубыми.

Пальцы Сяо Мэй походили на тончайший, безупречный белый нефрит.

Цзян Хуайсу слегка погладил большим пальцем нежную тыльную сторону её ладони, его губы изогнулись в лукавой усмешке, и он, склонив голову, запечатлел на её коже невесомый поцелуй.

Как только его губы коснулись её руки, он тут же отстранился, выпрямился во весь рост и отпустил ладонь девушки.

<http://bllate.org/book/20799/2090433>